

Никитина Н. (Брест, Беларусь)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Еще в 20-е годы XX века С.А. Аскольдов для определения единицы творческого сознания предложил использовать термин «художественный концепт», имея в виду концепты, представленные в художественной речи [1, 269]. Известно, что разнообразные концепты, наличествующие в национальной концептосфере, на каждом культурно-историческом этапе жизни социума имеют неодинаковую степень социальной актуальности и информативной активности [2, 71]. В конкретный период жизни общества актуализируются конкретные социокультурные концепты. Их вербальным коррелятам на данном синхронном срезе свойственна повышенная речевая частотность.

Основными категориями русской национальной культуры, ее культурными константами являются понятия «душа», «дух», «воля», «доля» [3, 116], которые находят выражение в русском языке в любое время. При этом, согласно данным частотного словаря, построенного на основе корпуса современного русского языка, лемма (исходная форма слова) *душа* имеет среднюю частоту употребления 356,8 и значительно превосходит в этом отношении леммы *дух* (153,5), *воля* (126,4) и *доля* (111,4) [4].

Принадлежность концепта «Душа» к константным актуалемам подтверждается частотой употребления ее лексического репрезентанта в художественной литературе разных временных отрезков. Так, в литературе 50–60-х гг. XX века эта частота составляет 374,0; 70–80-х гг. – 452,5; 90–2000-х гг. – 465,3, то есть колебания частот несущественны.

Предпринятое в нашей статье обращение к исследованию художественного концепта «Душа» в поэтической речи рубежа XIX–XX веков обусловлено как непреходящей актуальностью данной ментальной сущности в национальной концептосфере русского этноса в целом, так и своеобразием литературного периода Серебряного века, представители которого являются одновременно и носителями традиций прошлого, и новаторами.

Особенно значимой для исследования художественного концепта «Душа» может стать женская лирика Серебряного века, так как женская душа более чувствительна, восприимчива к жизненным событиям как позитивным, так и негативным. Убеждает в этом анализ поэтических текстов выдающихся национальных мастеров слова – Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, доказавших, что «женская поэзия» – это и пророче-

ское, великое слово, способное вместить в себя весь мир, и сокровенные глубины души конкретной языковой личности.

На каждом временном срезе концепт имеет не только понятийное ядро, но обладает и социокультурным фоном, где сфокусирована социальная интерпретация содержательного ядра концепта в виде оценочных суждений, мнений всего этнического сообщества, его различных социальных слоев, групп и отдельных представителей [2, 72], в том числе и художников слова. Поэтому речевая актуализация художественного концепта сложнее и богаче, чем в узусе.

Изучение концепта начнем с исследования семантики его словесного знака – лексемы *душа*. Согласно данным толковых словарей разного времени, названная лексема отождествляется со значениями *‘бессмертное нематериальное начало в человеке’*, *‘нечто живое, находящееся внутри человека’*, *‘ипостась личности’*, *‘внутреннее «я» личности’*, *‘вместилище чувств и эмоций’*. В текстовом пространстве лирики Ахматовой и Цветаевой смысловая структура слова *душа* сохраняет общезыковые значения, поскольку они являются константами русской культуры. Так, в идиостилиях обеих поэтесс находит метафорическое выражение закрепившееся в русском языковом сознании для слова *душа* значение *‘нечто живое, находящееся внутри человека’*: *Исцелил мне душу царь небесный / Ледяным покоем нелюбви* (А., 154); *Душа на все века – схоронена в груди* (Ц., 124).

Лексема *душа* актуализирует в поэтических контекстах А. Ахматовой и М. Цветаевой и значения *‘ипостась личности’*, *‘внутреннее «я»* автора: *Ты сказки давней горестных заметок, / Душа моя, не тронь и не лицуй* (А., 31); *И чего душе бояться – / Раз враги соединились, / Чтоб вдвоём меня хранить!* (Ц., 112).

Кроме того, душа – это *‘вместилище’*: *Я говорю сейчас словами теми, / Что только раз рождаются в душе* (А., 31); *Какое-то большое чувство / Сегодня таяло в душе* (Ц., 40).

На основе синтагматических отношений в сферу выражения концепта «Душа» включаются сакральные слова *Бог, православная, бессмертная*. Анна Ахматова и Марина Цветаева закономерно объективируют это значение в контексте своего творчества: *Но душу бог мне нию дал: / Морская она, морская!* (Ц., 29); *Исцелил мне душу царь небесный* (А., 154); *Так теперь и кощунствуй, и чванься, / Православную душу губи...* (А., 186).

В представлении обеих поэтесс душа бессмертна: *Знаешь, я читала, / Что бессмертны души* (А., 15); *Меч, храни нас / От бессмертных душ наших двух!* (Ц., 246). Заметим, однако, что в русском языковом сознании душа может представляться как *нечто живое, находящееся внутри человека*. И, поскольку всему живому свойственна смерть, в поэтической картине мира исследуемых авторов закономерно возникает предположение о смертности души: *Душа на все века – схоронена в груди* (Ц., 124); *Душа тосковала, / Задыхаясь в предсмертном бреду...* (А., 11).

В соответствии с национальной картиной мира в творчестве обеих поэтесс душа наделена крыльями, что обуславливает включение в поле выражения названного художественного концепта лексемы крылатая: *Всего верней свинец душе крылатой / Небесные откроет рубежи...* (А., 279); *Если душа родилась крылатой – / Что ей хоромы и что ей хаты!* (Ц., 108).

Однако в текстах талантливых мастеров слова художественный концепт не только наиболее полно репрезентирует свои национальные архетипические черты, но и особенности личностно-авторской интерпретации. Текстовые наблюдения показывают, что А. Ахматова и М. Цветаева, развивая представление о душе как о материальной субстанции, поэтически воплощают его в образах, связанных с четырьмя стихиями. Вследствие метафорических переносов в поле выражения концепта «Душа» оказываются включаются многочисленные новые лексемы (*полыхать, раскаленная, свет, темный, огонь, гореть, остывшая, как пух, шестикрылая, ветер, свободная, звезды, каплун, голубь, лебедь, морская, перевал, предел, крепость, камень* и др.). Так, образы полыхающей, раскаленной души есть у М. Цветаевой: *Не обшупана, не куплена, / Полыхая и пляша... / Не задушена вашими тушами, / Душа!* (Ц., 208); *.. Душ раскалённых – водопой* (Ц., 162). У А. Ахматовой душа обладает способностью гореть и остывать: *...Чтобы в последний раз душа моя горела / Земным бесстием... (А., 264); А другим – это только пламя, / Чтоб остывшую душу греть* (А., 124).

У обеих поэтесс со стихией огня связаны образы света и тьмы. Марина Цветаева представляет душу светлой, а Анна Ахматова допускает, что душа может быть тёмной: *...Божий праведник мой прекрасный, / Свете тихий мой души!* (Ц., 68); *Так отлетают тёмные души...* (А., 314).

Со стихией воды выявляется связь концепта «Душа» только у М. Цветаевой: *Но душу бог мне иную дал – / Морская она, морская!* (Ц., 29). Здесь проводится аналогия с именем Марина, которое означает «морская».

Образное видение мира, свойственное М. Цветаевой, обуславливает включение в поле выражения анализируемого концепта и лексем, связанных с изображением стихии земли (пространства). Показателен здесь взгляд М. Цветаевой на душу как на простор с границами и перевалами: *Не гора, не овраг, не стена, не насыпь: / Души перевал* (Ц., 250); *Почти за пределом / Души, за пределом тоски...* (Ц., 213).

У Марины Цветаевой интересно сравнение души с тюремной крепостью, связанное с описанием смерти. Душа выступает уже не как «человек», а как «здание», «место». Выйти из крепости – значит, лишиться души – умереть: *Я знаю все ходы и выходы / В тюремной крепости души* (Ц., 125). Образы М. Цветаевой можно соотнести и со стихией воздуха: *И дуциный ветер прямо в душу дует...* (Ц., 63) – здесь воплощено представление о душе как о месте обитания ветров.

Образы «крылатой души, в определенной мере соотносимые со стихией воздуха, в лирике обеих поэтесс получают индивидуальное языковое воплощение. Например, у М. Цветаевой душа может иметь не два крыла, а целых шесть (*..Шестикрылая, радушиная... / Душа!* (Ц., 208)), или же вовсе обходиться без крыльев, превращаясь в пух (*Не возьмишь мою душу живу, / Не дающуюся, как пух* (Ц., 265)). Хотя будет справедливо заметить, что образ шестикрылой души также имеет библейскую мотивацию – шесть крыльев было у серафимов.

М. Цветаева, несомненно, является и хранительницей фольклорных традиций своего народа. Душа в ее поэзии может принимать не только традиционный для христианства облик голубя, но и лебедя: *...В певчую прорезь, в запекшийся пыл – / Лебедем душу свою упустил* (Ц., 72). Примечательно, что у поэтессы даже неправедная душа способна летать, но «каплуном вместо голубя»: *Каплуном-то вместо голубя / – Порх! – душа –*

при вскрытии (Ц., 301). Каплун – это петух, птица, не умеющая летать высоко, – символ приземлённости. Голубь же, наоборот, символизирует возвышенность и лёгкость.

Для А. Ахматовой возможность полёта души заменяется ее свободой: *...Когда душа свободна и чужда / Медлительной истоме сладострастья...* (А., 111). К тому же, А. Ахматова указывает и место, куда улетает душа, – это звёзды: *Все души милых на высоких звёздах* (А., 277).

Душа может и потерять способность летать, став тяжёлой, как камень: *Душа, как камень, в воду брошенный...* (Ц., 124). Показательно, что окаменевают душа не вследствие собственной греховности, а в результате постороннего негативного вмешательства. Недаром рядом со словом *камень* употребляется глагольная форма в страдательном залоге (*брошенный*).

Текстовые наблюдения позволяют обнаружить образное воплощение концепта «Душа» у обеих поэтесс. Однако особенно богато метафорическое представление души и связанных с нею поэтических образов у Марины Цветаевой.

Душа у этой поэтессы – двойник личности. Душа способна, например, видеть, и тема эта представлена у поэтессы довольно широко в отличие от творчества Ахматовой, где данный образ не встречается вовсе: *Души начинают видеть* (Ц., 219); *Час обнажающихся верховий, / Час, когда в души глядишь – как в очи* (Ц., 231) и т.д.).

Как видим, образное мышление мастеров слова не всегда укладывается в рамки традиционной языковой картины мира, поэтому художественное воплощение концепта «Душа» в женской лирике Серебряного века более многообразно и богато, чем узуальное. Благодаря многочисленным тропам, спектр значений, реализуемых в языке Ахматовой и Цветаевой, неизмеримо шире, чем в словарных дефинициях, благодаря чему возникает периферия выражения исследуемого образа. При этом Анна Ахматова придерживается традиционных представлений о душе и развивает уже существующие в русском языковом сознании образы. Мировосприятие Марины Цветаевой отчасти тоже совпадает с представлением об этом понятии в русской языковой картине мира. Однако эта поэтесса часто ломает стереотипы, ее индивидуально-авторское изображение души носит ярко выраженный новаторский характер.

Литература

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. Антология / под. общ. ред. д. ф. н., проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Черникова, Н.В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты / Н.В. Черникова // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 71–80.
3. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314, [6] с.
4. Ляшевская, О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на мат-лах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009.

Примечания

В статье приняты условные сокращения для цитат из поэтических сборников: А. – Ахматова, А.А. Сеголазый король : Стихотворения / А.А. Ахматова. – М.: Эксмо, 2004. – 415 с.; Ц. – Цветаева, М. Соч. : в 2 т. / М. Цветаева ; сост., подгот. текста коммент. А. Саакянц; вступ. ст. Вс. Рождественского. – Минск : Нар. асвета, 1988. – Т. 1. : Стихотворения; Поэмы; Драм. произведения. – 567 с.